

В этой войне, хотя Великое Чжоу потеряло 150 000 человек, оно также убило более 100 000 врагов, что было ничьей. Более того, хотя Чжао Минлян потерпел поражение, он смог спасти 3 миллиона гуаней. Голоса чиновников разгорелись раньше времени. Некоторые требовали сурового наказания, а некоторые говорили, что не могут обидеть солдат. Хотя они и потерпели поражение, но сражались отчаянно. Если за такое наказывать сурово, кто будет сражаться в будущем.

Окончательное решение таково: Чжао Минлян будет временно лишен должности маршала армии и лошадей, а остальные генералы будут сокращены вдвое, и штраф составит три месяца. Заслуженные офицеры Хэйшуйгуань будут награждены все без исключения.

Чэн Цзя все уши прожужжал: 30 миллионов пушек, 150 000 человек погибло, но этих людей в суде волнуют не 150 000 погибших, а 30 миллионов пушек. В начале семья Ван предложила использовать метод продажи чая и соли для сбора средств. Большую часть этого чая и соли покупают купцы, стоящие за этими высокопоставленными чиновниками. Теперь чай и соль вообще не могут быть обменены, что затрагивает их фундаментальные интересы.

"У министра есть предложение". Император Сивэнь на кресле дракона был уже очень нетерпелив. Он все еще хотел вернуться и продолжить играть с двумя красивыми подростками. Он спорил с вами целый час, но что ему удалось выяснить? Увидев, что Ван Сян встал, он нетерпеливо сказал: "Говори!"

"В прошлом эти купцы любили запастись чаем и солью. Из-за этого и возникла такая ситуация. Пока император приказывает, в этом году они могут обмениваться товарами только с новыми, а старые должны скидываться, чтобы получить товар. Тогда эти купцы смогут предотвратить скопидомство. Это может увеличить огромную прибыль для двора". Ван Сян говорил слово за словом.

Сердце Чэн Цзя было потрясено.

Прежде чем он смог выйти, чтобы сказать, он весело слушал императора Сивэня: "Это так хорошо, просто делай то, что ты сказал, и отступай!".

"Цяо Му!" Мэй Донхуа помог плечам Чэн Цзя, а когда вокруг стало меньше людей, наполовину помог ему дойти до кресла-седла за пределами дворца. В то же время он сказал: "Вы не в добром здравии. Не приходите сегодня. Ну, право и лево - это не результат, ты тоже должен это представлять, теперь, когда Ян Чжао исправился, об остальных забудь".

Чэн Цзя горько улыбнулся, тщетными шагами сел в кресло-седан, поблагодарил Мэй Донхуа и велел креслу-седану отправляться в путь.

Глядя на постепенно шумящие по обе стороны уличные рынки, я вспомнил предложение Ван Сянна полностью уничтожить мелких и средних предпринимателей, чтобы обеспечить выгоду от этих перемен, и императора Сивэня, который с радостью согласился, только услышав, что суд может получить деньги. Подумав еще раз об отце Минчжэ, который все еще борется с Хэйшуйгуаном, который последовал за Мэй Донхуа второго принца, Чэн Цзя вдруг почувствовал себя очень бессильным.

"Отправляйся в Дингуо Гунфу". После того, как он отдал указания предъявителю, Чэн Цзя был ошеломлен. Подсознательно он хотел пойти туда, но что произойдет после того, как он пойдет? Что вы можете сказать? Я могу сказать, что все, что ты сказал, правильно, но даже если так, он мой господин? Разве это монарх?

Как только он подошел к переулку, кресло-седан остановилось. Чэн Цзя открыл веером занавеску седана. Увидев, что перед особняком Дингуо остановилась большая группа запыленных мужчин в серой одежде на высоких лошадях, его сердце сжалось от ужаса, но ноги не дрогнули. Я встал с кресла-седла под управлением. Неужели кто-то мог прийти к ней с неприятностями так скоро?

"Старший брат Мэн?!" Из двери выбежал крупный мужчина с удивленным выражением лица.

Чэн Цзя остановился и посмотрел на группу людей и охранников, которые приветствовали их, проходя внутрь, бессознательно рассмеялся, я боялся, что это охранник, который пришел за подкреплением, да, он нужен ей только в Харизма среди ученых, на самом деле, я боюсь, что ей не обязательно это нужно. Она понимает, что ее стране не нужны такие педантичные ученые, которые не знают общих дел, а знают только разговоры.

Ее страна...

Стоя в переулке и наблюдая, как улица перед особняком правительства снова затихает, один из охранников взглянул на него, а затем стукнул дверь. Звук упавшего засова заставил Чэн Цзя прийти в себя. На душе стало грустно и невыразимо, во рту снова появился запах крови.

Ты больше не хочешь меня видеть?

"Сын?" негромко позвал носильщик.

Чэн Цзя сел в кресло и через некоторое время сказал: "Пойдем".

Как только он сошел с кресла перед воротами особняка, Цинь Ань поспешно спустился по лестнице, наклонился к Чэн Цзя и сказал: "Господин, госпожа У здесь".

Чэн Цзя был ошеломлен, ему потребовалось много времени, чтобы прийти в себя и вспомнить, кто такая госпожа Ву, жена министра инженерного дела и дальняя кузина матери. После смерти матери эта госпожа Ву любила приходить и наложницей наказывать его и его сестру. После того как его прогнали, он несколько лет не появлялся на пороге. Почему же он снова пришел?

"В чем дело?" Чэн Цзя слегка кашлянул несколько раз, держа в руке футляр с книгами, и медленно вошел в ворота особняка.

"Я не говорил, я сейчас жду в цветочном зале главного двора, сказав, что пришел повидаться с тобой". Цинь Ань сказал низким голосом. Эта госпожа Ву, четыре их дела пострадали в ее руках, и она немного испугалась, когда увидела ее, это было слишком хлопотно!

Как только я вошла в ворота главного двора, я услышала энергичный женский голос в цветочном зале, который кричал на людей.

Чэн Цзя слегка нахмурился, отпустил футляр с книгами, смахнул пыль на уголке одежды и, переодевшись в обычную такую же приветливую улыбку, шагнул в цветочный зал.

"Как только моя сестра уедет, никто не будет тебя наказывать?" Госпожа Ву хлопала по столу. Увидев вошедшего Чэн Цзя, она тут же нацепила яркую улыбку, встала и сказала: "Брат Цзя вернулся? Моя тетя уже давно ждет тебя. Посмотри на свой дом, твой отец каждый день занят, и он хочет, чтобы тетя заботилась о нем. Что за беспорядок в этом доме? Боюсь, что ни отец,

ни сын о тебе не позаботятся! Как же так, брат Цзя Сын, ты должен поскорее жениться, тебе еще нужна достойная хозяйка дома!"

"Тетушка, пожалуйста, присядьте". Чэн Цзя избежала восторженных слюней, сделала жест "пожалуйста", а затем села на место компаньонки.

Госпожа Ву хотела сесть на прежнее место, но, увидев, как Чэн Цзя потупила взор, неохотно села на место для гостей.

"Сестра Юэ, это ваша кухня Цзя Гэ". Как только она села, госпожа Ву улыбнулась, как домашнее животное, и сказала девушке, которая тихо стояла позади нее.

"Кухня Цзя~". Девушка шагнула вперед и благословила, ее осанка была безупречно стандартной, и она даже не сделала запрещенного шага на юбке.

Чэн Цзя увидела ее, когда та вошла в дверь. В это время она поняла, к чему клонит госпожа Ву, и когда та встала, чтобы ответить, незаметно посмотрела на нее.

Хотя девочке всего 13 или 14 лет, в ней уже зародыш красивой женщины. Можно представить, как она будет выглядеть в будущем, а ее одежда и поведение еще более характерны для всех леди.

"Это сестра Юэ из трех комнат. Вы также должны знать ее брата, который был на несколько лет раньше, Ву Фэйрэн". Госпожа Ву взяла Ву Юэ за руку и улыбнулась.

Чэн Цзя только слегка улыбнулся, опустил глаза, сделал глоток чая, который принесла служанка, и сказал: "С какой целью моя тетя?".

Госпожа Ву была поражена, она выглядела немного некрасиво, но после очередной мысли, если семья Чэн и семья Ву могут пожениться, и ее статус в семье может снова подняться, она взяла себя в руки и улыбнулась: "Брат Цзя, послушай. Что ты говоришь, моя тетя не может прийти к тебе? Я должна что-то делать? Посмотри на себя, это лицо белое, как бумага, и никто в комнате не может этого сделать! Наша сестра Юэ, Цинь, шахматы, каллиграфия и живопись Великая. Разве не ты всегда говорил, что нужно найти кого-то, кто сможет играть на твоём пианино? Или, теперь ты взял сестру Юэ, чтобы она посмотрела твою комнату с фортепиано?"

Как только прозвучали эти слова, даже лицо У Юэ не смогло вытянуться, и эта тетя тоже... Но когда он взглянул на Чэн Цзя, который все еще был несравненным, даже несмотря на большое лицо, сердце У Юэ дрогнуло, и его лицо снова поплыло. Покраснев, он поспешно опустил голову. Он слышал, что книги Чэн Цзяция превосходны, и шесть искусств джентльмена неплохи, но он редко играет на фортепиано перед посторонними. Еще реже он хочет выпить первый заказанный им в тот день чай. Если вы можете услышать его сегодня, неважно, что произойдет или нет, возвращайтесь. Говорить об этом в кругу сестер - отличное лицо.

"Тетушка..." Сразу после того, как Шукян позвонил, госпожа Ву уже устала на него и сердито сказала: "Тебе здесь есть где поговорить?".

Чэн Цзя низко рассмеялся, с парой язвительных ноток в глазах, и улыбнулся: "Если вы хотите послушать фортепиано Чэна, то какое вознаграждение заплатит ваша тетя?"

Лицо госпожи Ву внезапно побледнело, и прежде чем она успела заговорить, Чэн Цзя уже встал и сказал: "Моя мать уже много лет как умерла, а тетя не слишком близка нам. Давайте в

будущем займемся своими делами, забросим дела и проводим гостей."

"Ты!

"Рот госпожи Ву задрожал от гнева, и когда Чэн Цзя увидел, что Чэн Цзя закончил говорить, она ушла, не оставив места. Однако в книжном шкафу уже вовсю отсылали гостей. Какой бы бесстыжей она ни была, оставаться нельзя. Я могу только щелкнуть рукавами и сердито уйти.

"Сын мой, человека уже отослали". Осторожно пройдя позади Чэн Цзя, который стоял под деревом и смотрел на пеструю тень дерева, Шуян прошептал в ответ.

"Шубянь, ты помнишь Линцзяцюнь?". Не услышав ответа Чэн Цзя, Шубянь уже собиралась отступить, поэтому Чэн Цзя осторожно спросила.

"Помню". Шубянь остановился, стоя позади него, и ответил. Это имя - запретное слово, и произносить его категорически нельзя. Почему сын заговорил об этом сегодня?

"Если бы это был ты, ты бы хотел жить в таком месте, или в нынешней жизни?" Голос Чэн Цзя был слабым и невнятным, он все еще смотрел на маленький огонек, просачивающийся из дерева.

"Сын мой, можем ли мы сказать правду?" Увидев, что Чэн Цзя кивнул, книга сказала: "Естественно, это такое место, как Линцзяцюнь".

В таком свободном месте, независимо от пола, каждый получает доход от собственного труда, а отношения между начальниками и подчиненными строги, но их не лишат достоинства из-за того, что они ниже. Люди там равны в личности, независимо от их положения. из.

В этой войне, хотя Великое Чжоу потеряло 150 000 человек, оно также убило более 100 000 врагов, что было ничьей. Более того, хотя Чжао Минлян потерпел поражение, он смог спасти 3 миллиона гуаней. Голоса чиновников разгорелись раньше времени. Некоторые требовали сурового наказания, а некоторые говорили, что не могут обидеть солдат. Хотя они и потерпели поражение, но сражались отчаянно. Если бы за такое строго наказывали, кто бы стал сражаться в будущем.

Окончательное решение таково: Чжао Минлян будет временно лишен должности маршала армии и лошадей, а остальные генералы будут сокращены вдвое, штраф составит три месяца. Заслуженные офицеры Хэйшуйгуань будут награждены все без исключения.

Чэн Цзя все уши прожужжал: 30 миллионов пушек, 150 тысяч погибших, но этих людей в суде волнуют не 150 тысяч погибших, а 30 миллионов пушек. В начале семья Ван предложила использовать метод продажи чая и соли для сбора средств. Большую часть этого чая и соли покупают купцы, стоящие за этими высокопоставленными чиновниками. Теперь чай и соль вообще не могут быть обменены, что затрагивает их фундаментальные интересы.

"У министра есть предложение". Император Сивэнь на драконьем кресле был уже очень нетерпелив. Он все еще хотел вернуться и продолжить играть с двумя красивыми подростками. Он спорил с вами целый час, но что ему удалось выяснить? Увидев, что Ван Сян встал, он нетерпеливо сказал: "Говори!"

"В прошлом эти купцы любили запасаться чаем и солью. Из-за этого и возникла такая ситуация. Пока император приказывает, в этом году они могут обмениваться товарами только с

новыми, а старые должны скидываться, чтобы получить товар. Тогда эти купцы смогут предотвратить скопидомство. Это может увеличить огромную прибыль для двора". Ван Сян говорил слово за словом.

Сердце Чэн Цзя было потрясено. Прежде чем он смог выйти, чтобы высказаться, он радостно слушал императора Сивэня: "Это так хорошо, просто сделайте то, что вы сказали, и отступайте!"

"Цяо Му!" Мэй Донхуа помог плечам Чэн Цзя, а когда вокруг стало меньше людей, наполовину помог ему дойти до кресла-седла за пределами дворца. В то же время он сказал: "Вы не в добром здравии. Не приходите сегодня. Ну, право и лево - это не результат, ты тоже должен уметь это представить, теперь, когда Ян Чжао исправился, остальные, забудь".

Чэн Цзя горько улыбнулся, тщетными шагами сел в кресло-седан, поблагодарил Мэй Донхуа и велел креслу-седану отправляться в путь.

Глядя на постепенно шумящие по обе стороны уличные рынки, я вспомнил предложение Ван Сянна полностью уничтожить мелких и средних предпринимателей, чтобы обеспечить выгоду от этих перемен, и императора Сивэня, который с радостью согласился, только услышав, что суд может получить деньги. Подумав еще раз об отце Минчжэ, который все еще борется с Хэйшуйгуаном, который последовал за Мэй Донхуа второго принца, Чэн Цзя вдруг почувствовал себя очень бессильным.

"Отправляйся в Дингуо Гунфу". После того, как он отдал указания предьявителю, Чэн Цзя был ошеломлен. Подсознательно он хотел пойти туда, но что произойдет после того, как он пойдет? Что вы можете сказать? Я могу сказать, что все, что ты сказал, правильно, но даже если так, он мой господин? Разве это монарх?

Как только он подошел к переулку, кресло-седан остановилось. Чэн Цзя открыл веером занавеску седана. Увидев, что перед особняком Дингуо остановилась большая группа запыленных мужчин в серой одежде на высоких лошадях, его сердце сжалось от ужаса, но ноги не дрогнули. Я встал с кресла-седла под управлением. Неужели кто-то мог прийти к ней с неприятностями так скоро?

"Старший брат Мэн?!" Из двери выбежал крупный мужчина с удивленным выражением лица.

Чэн Цзя остановился и посмотрел на группу людей и охранников, которые приветствовали их, проходя внутрь, бессознательно рассмеялся, я боялся, что это охранник, который пришел за подкреплением, да, он нужен ей только в Харизме среди ученых, на самом деле, боюсь, ей это не обязательно нужно. Она понимает, что ее стране не нужны такие педантичные ученые, которые не знают общих дел, а знают только разговоры.

Ее страна...

Стоя в переулке и наблюдая, как улица перед особняком правительства снова затихает, один из охранников взглянул на него, а затем стукнул дверью. Звук упавшего засова заставил Чэн Цзя прийти в себя.

Мне стало грустно и невыразительно, и запах крови снова хлынул в рот.

Ты больше не хочешь меня видеть?

"Сын?" тихо позвал носильщик.

Чэн Цзя сел в кресло и через некоторое время сказал: "Пойдемте".

Как только он сошел с кресла перед воротами особняка, Цинь Ань поспешно спустился по лестнице, наклонился к Чэн Цзя и сказал: "Господин, госпожа У здесь".

Чэн Цзя был ошеломлен, ему потребовалось много времени, чтобы прийти в себя и вспомнить, кто такая госпожа Ву, жена министра инженерного дела и дальняя кузина матери. После смерти матери эта госпожа Ву любила приходить и наложницей наказывать его и его сестру. После того как его прогнали, он несколько лет не появлялся на пороге. Почему же он снова пришел?

"В чем дело?" Чэн Цзя слегка кашлянул несколько раз, держа в руке футляр с книгами, и медленно вошел в ворота особняка.

"Я не говорил, я сейчас жду в цветочном зале главного двора, сказав, что пришел повидаться с тобой". Цинь Ань сказал низким голосом. Эта госпожа Ву, четыре их дела пострадали в ее руках, и она немного испугалась, когда увидела ее, это было слишком хлопотно!

Как только я вошла в ворота главного двора, я услышала энергичный женский голос в цветочном зале, который кричал на людей. Чэн Цзя слегка нахмурился, отпустил футляр с книгами, смахнул пыль на уголке одежды и, переодевшись в обычную такую приветливую улыбку, шагнул в цветочный зал.

"Как только моя сестра уедет, никто не будет наказывать тебя?" Госпожа Ву хлопала по столу. Увидев вошедшего Чэн Цзя, она тут же нацепила яркую улыбку, встала и сказала: "Брат Цзя вернулся? Моя тетя уже давно ждет тебя. Посмотри на свой дом, твой отец каждый день занят, и он хочет, чтобы тетя заботилась о нем. Что за беспорядок в этом доме? Боюсь, что ни отец, ни сын о тебе не позаботятся!"

Как это может работать, брат Цзя Сын, ты должен быстро жениться, тебе еще нужна достойная хозяйка дома!".

"Тетушка, пожалуйста, присядьте". Чэн Цзя избежала восторженных слюней, сделала жест "пожалуйста", а затем села на место компаньонки.

Госпожа Ву хотела сесть на прежнее место, но, увидев, как Чэн Цзя потупила взор, неохотно села на место для гостей.

"Сестра Юэ, это ваша кузина Цзя Гэ". Как только она села, госпожа Ву улыбнулась, как домашнее животное, и сказала девушке, которая тихо стояла позади нее.

"Кузина Цзя~". Девушка шагнула вперед и благословила, ее осанка была безупречно стандартной, и она даже не сделала запрещенного шага на юбке.

Чэн Цзя увидела ее, когда та вошла в дверь. В это время она поняла, к чему клонит госпожа Ву, и когда та встала, чтобы ответить, она незаметно посмотрела на нее.

Хотя девочке всего 13 или 14 лет, в ней уже зародыш красивой женщины. Можно представить, как она будет выглядеть в будущем, а ее одежда и поведение еще более характерны для всех леди.

"Это сестра Юэ из трех комнат. Вы также должны знать ее брата, который был на несколько лет раньше, Ву Фэйрэн". Госпожа Ву взяла Ву Юэ за руку и улыбнулась.

Чэн Цзя лишь слегка улыбнулся, опустил глаза, сделал глоток чая, который принесла служанка, и спросил "С какой целью я пригласил тетю?".

Госпожа Ву была поражена, она выглядела немного некрасиво, но после очередной мысли, если семья Чэн и семья Ву смогут пожениться, и ее статус в семье может снова подняться, она взяла себя в руки и улыбнулась: "Брат Цзя, послушай. Что скажешь, моя тетя не может прийти к тебе? Я должна что-то делать? Посмотри на себя, это лицо белое, как бумага, и никто в комнате не может этого сделать! Наша сестра Юэ, Цинь, шахматы, каллиграфия и живопись Великая. Разве не ты всегда говорил, что нужно найти кого-то, кто сможет играть на твоём пианино? Или, теперь ты взял сестру Юэ, чтобы она посмотрела твою комнату с пианино?"

Как только прозвучали эти слова, даже лицо У Юэ не смогло вытянуться, а уж эта тетя... Но когда он взглянул на Чэн Цзя, который все еще был несравненным, даже несмотря на больное лицо, сердце У Юэ дрогнуло, и его лицо снова поплыло. Покраснев, он поспешно опустил голову. Он слышал, что книги Чэн Цзяция превосходны, и шесть искусств джентльмена неплохи, но он редко играет на фортепиано перед посторонними. Еще реже он хочет выпить первый заказанный им в тот день чай. Если вы можете услышать его сегодня, неважно, что произойдет или нет, возвращайтесь. Говорить об этом в кругу сестер - отличное лицо.

"Тетушка..." Сразу после того, как Шукян позвонил, госпожа Ву уже уставилась на него и сердито сказала: "Тебе здесь есть где поговорить?".

Чэн Цзя низко рассмеялся, с парой язвительных ноток в глазах, и улыбнулся: "Если вы хотите послушать фортепиано Чэна, то какое вознаграждение заплатит ваша тетя?"

Лицо госпожи Ву внезапно побледнело, и прежде чем она успела заговорить, Чэн Цзя уже встал и сказал: "Моя мать уже много лет как умерла, а тетя не слишком близка нам. Давайте в будущем займемся своими делами, забронируем дела и проводим гостей."

"Ты!" Рот госпожи Ву задрожал от гнева, и когда Чэн Цзя увидел, что Чэн Цзя закончил говорить, она ушла, не оставив места. Однако книжный шкаф уже был в состоянии отправлять гостей. Какой бы бесстыжей она ни была, оставаться нельзя. Я могу только щелкнуть рукавами и сердито уйти.

"Сын мой, человека уже отослали". Осторожно пройдя позади Чэн Цзя, который стоял под деревом и смотрел на пеструю тень дерева, Шукян прошептал в ответ.

"Шубянь, ты помнишь Линцзяцюнь?". Не услышав ответа Чэн Цзя, Шубянь уже собиралась отступить, поэтому Чэн Цзя осторожно спросила.

"Помню". Шубянь остановился, стоя позади него, и ответил. Это имя - запретное слово, и произносить его категорически нельзя. Почему сын заговорил об этом сегодня?

"Если бы это был ты, ты бы хотел жить в таком месте или в нынешней жизни?" Голос Чэн Цзя был слабым и невнятным, он все еще смотрел на маленький свет, просачивающийся из дерева.

"Сын мой, мы можем сказать правду?" Увидев, что Чэн Цзя кивнул, книга сказала: "Естественно, это такое место, как Линцзяцюнь".

В таком свободном месте, независимо от пола, каждый получает доход от собственного труда, а отношения между начальниками и подчиненными строгие, но их не лишат достоинства из-за

того, что они ниже. Люди там равны в личности, независимо от их положения. из.

<http://tl.rulate.ru/book/15727/2535066>